

**АЛЬЯНС СИБИРСКОГО И ВОСТОЧНОГО ИСКУССТВА: ОПЫТ III
МЕЖДУНАРОДНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ СТРАН АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА (2012)**

Смолина М.Г.¹, Кушнарева А.А.¹

¹ ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, РФ (660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 79), e-mail: smomg@yandex.ru

Предметом и темой статьи является альянс сибирского и восточного искусства на примере конкретного социокультурного проекта - III Международного музыкального фестиваля стран Азиатско-Тихоокеанского региона, проведенного в 2012 году в г. Красноярске. Метод работы статьи: арт-критическая рефлексия культурного события, методология построена на концепции идеалообразовательной сущности культуры и теории визуального мышления. Основные результаты статьи: указанный альянс имеет политический контекст, рассмотрен как идеал политико-культурного заказа. Выводы: положительная оценка тенденции культурной политики, однако вместе с тем фиксация проблемы рецепции фестиваля в целом (недостаточный уровень культуры участия), арт-пространство фестиваля, представленное на отдельных площадках города дает возможность обнаружить сравнительные характеристики ментальностей, знание которых может служить фактором формирования альянса сибирского и восточного искусства. Область применения: социокультурное проектирование.

Ключевые слова: фестиваль, искусство, социокультурный проект, альянс, Сибирь, восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, Красноярск, 2012.

**ALLIANCE OF THE SIBERIAN AND EASTERN ART: THE EXPERIENCE OF THIRD
INTERNATIONAL MUSIC FESTIVAL OF THE ASIA-PACIFIC REGION (2012)**

Smolina M.G.¹, Kushnareva A.V.¹

¹Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia (660041, 79 Svobodny Prospekt, Krasnoyarsk), e-mail: smomg@yandex.ru

The subject and theme of the article is an alliance of the Siberian and Eastern Art at the example of a specific socio-cultural project - Third International Music Festival of Asian-Pacific Region, which was held in 2012 in Krasnoyarsk. The method of article is art critical reflection of cultural events, the methodology is based on the concept of ideal-forming entity of culture and theory of visual thinking. The main results are following: the alliance has a political context, and it was considered as the ideal of political and cultural order. Conclusions are following: it's the positive trend's assessment of cultural policies, but at the same time it's fixing of the problem of the reception of the festival as a whole (lack of a culture of participation), an art space of the festival was presented at separate venues in the city and it makes it possible to detect the comparative characteristics of mentalities, knowledge of which may be a factor in the formation of an alliance of the Siberian and Oriental art. Scope: socio-cultural design.

Keywords: festival, art, social and cultural project, alliance, Siberia, east, Asian-Pacific Region, Krasnoyarsk, 2012.

Альянс (франц. Alliance) — это союз на договорной основе, соглашение между двумя или несколькими государствами. Употребляя это слово в отношении искусства, подразумеваем возможности союзного отношения между сибирским и восточным искусством, имея в виду те «весы» саморефлексии культуры, чаши которых колеблются то в сторону европейского, то в сторону восточноазиатского менталитета. Самоидентификация «сибиряков», конципирование региона как центра России, расположенного между западной и восточной ее частями, в том числе обособляют специфику творящихся на этой земле активных отношений с более восточными соседями. В контексте проблемы миграционных процессов и проявления этнофобии среди населения, в свете усиленного потока мигрантов

из стран Средней Азии и Дальнего Востока, следует обратить внимание на феномен этнофестивалей, особо актуальных в последнее время, так как решается вопрос мягкого образовательного процесса для широкой аудитории. Фестивали – это как раз та форма социокультурной практики, которая способствует организации диалога культур.

28 июня 2012 года в рамках III Международного музыкального фестиваля стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Красноярске открылись художественные выставки, поднимающие вопросы этнокультурной идентичности жителей Сибири.

Воплощение социокультурного проекта фестиваля было связано с идеей «полилога культур» и включало в себя две стороны: 1) ярмарочно-площадную компоненту, 2) экзотическую профессиональную компоненту. Иногда это в восприятии могло вызывать парадокс, например, рассматривая бронзовые статуэтки Будды из Мьянмы, посетитель воспринимал громкоголосые песни енисейской губернии под баян и балалайку, доносившиеся с улицы. Уличная праздничная атмосфера Дня города (здесь есть все, что народ любит: и угощение, и песни, и карнавал, и сувенирные безделушки) уравнивалась пространством профессионального искусства (музеи и галереи).

Среда городского праздника активировала разные формы модального восприятия: это аудиовосприятие (живое музыкальное оформление уличных площадок), обоняние (запах национальных блюд, приготовленных на улице), визуальное восприятие (ярмарка, площадные представления, картинные галереи), кинестетическое (движение по улице, шествие). Не в полной мере можно назвать удовлетворенной тактильность реципиента. Дефицит необычных тактильных ощущений, и в целом некоторых интерактивных действий, в которых мог бы принять непосредственное участие посетитель. На музейных площадках было мало что «потрогать», за такую модальность ответственен обычно мастер-класс, или концерт с участием самих зрителей. Сегодня очень актуально переходить от культуры потребителей к культуре участия. Очень важно, чтобы на таких мероприятиях посетитель был как можно меньше потребителем и более – участником. В основном большее количество участников все еще действуют пассивно – т.е. просто смотрят, воспринимают, потребляют (совершают покупки, сувенирную продукцию, билеты в театр и на концерт, а также еду и напитки), нет пространства для творческого самовыражения посетителей.

Идею праздника следует назвать удачной: как с точки зрения внешней политики России, так и с точки зрения развития внутренней культуры Сибири, в особенности столь актуальной в последнее время проблемы этнокультурной идентичности россиян. В музыкально-зрелищной части фестиваль изобиловал разнообразными этнически окрашенными событиями – это и выступление японских барабанщиков, и концерт Ванессы Мей, и показы азиатских фильмов и рекламы, и корейская постановка «Ревизора», и

фотовыставки, и азиатский балет. Площадками для фестиваля послужило множество культурных организаций, таких как Красноярский государственный театр оперы и балета, Красноярская краевая филармония, Дом кино, Красноярский художественный музей им. В.И. Сурикова и т.д. Всего насчитывается около 30 площадок, в том числе улицы, площади и парки города.

В «Доме художника» г. Красноярска стартовали мероприятия фестиваля. Здесь, кроме полотен красноярских авторов, были выставлены произведения художников из Китая, Японии, Республики Корея, Монголии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и России (в том числе республики: Бурятия, Хакасия, Тыва, Якутия, Татарстан). Результаты «интерпленера» интересны с точки зрения разницы в национально-культурном восприятии: написанные в одном и том же месте – поселке Шушенское – сибирскими и восточными художниками, живописные работы хорошо иллюстрируют разные системы ценностей.

Можно сравнить работы, написанные в одной местности, не глядя на имена мастеров. Там, где сибирскому художнику А. Кобыльцову нужно развернуть повествование (в духе мощной традиции реализма), китайскому художнику Ван Джуну требуется остановить миг, превратить его в некий возвышенный вертикально организованный пейзаж с законченной формой островка, чем-то напоминающей очертания дракона, и водой с рябью на первом плане. Работа китайского мастера пробуждает причудливые ассоциации и вызывает новый уровень созерцательности по отношению к сибирскому пейзажу.

Там, где красноярскому мастеру крупным планом потребовалось изобразить огромных бабочек, полностью затмивших пейзаж, восточному живописцу захотелось показать разноцветье геометрического узора, в который превращается пейзаж в его сознании. В восприятии мира дальневосточным мастером нет той тяжести и вещественности деталей окружающего мира, которая характеризует русский и сибирский взгляд на бытие, почти буддийская легкость (освобожденность от земных пут), гармоничность бытия (природа как узор бытия, в ней есть упорядоченность).

Одним из самых ярких событий фестиваля стала выставка произведений из Государственного музея искусства народов Востока «Продолжая традиции собирательства» на территории Красноярского художественного музея имени В.И. Сурикова. Выставка насчитывает около 200 экспонатов, представляющих культуру стран Азии, среди которых Китай, Япония, Корея, Вьетнам, Мьянма, Камбоджа, Индонезия, Лаос. Для красноярцев это редкая возможность увидеть все разнообразие культуры Востока в залах одного музея. На выставке представлены древние китайские бронзовые зеркала III - I вв. до н.э., гарды самурайских мечей, японская цветная ксилография, уникальный китайский и японский

фарфор, нэцкэ и окимоно, работы мэтра японской каллиграфии Рюэки Моримото, буддийская скульптура XVIII-XIX вв., а также образцы национальной восточной одежды.

Гармония пустоты и линии, лаконичность и минимализм: все, что мы ценим как главные достоинства восточного искусства, уходит своими корнями в глубокую древность и связано с таким феноменом, как каллиграфия. Ведь каллиграфия это не просто красивое письмо, это произведения искусства, гармонией точек и линий создающие сильнейший энергетический посыл. Важно не только что написано на листе бумаги, но и как это написано. Таким образом, каллиграфическая стилистика переходит в изобразительную, сохраняя свою специфику. Точка, линия, пустота. Такая лаконичность прослеживается не только в изобразительном искусстве, японскую поэзию также отличают эти качества: сказать мало, но емко, в трех строках заключить глубочайшую философию – вот главный принцип японской поэзии.

В каллиграфии Рюэки Моримото «Не спеши, счастье тебя найдет» представлено начертание иероглифов резкими, легкими штрихами. В другой каллиграфии – «Непреклонность» - мы видим диктат прямой линии, проведенной очень твердой, уверенной, действительно «непреклонной» рукой. Кураторы выставки не зря поместили эти две каллиграфии в противопоставлении друг другу, адаптировав угловое пространство помещения. Каллиграфия Востока достигает такого высшего универсального уровня эмоциональности, что происходит кристальное слияние формы и ее ассоциативного значения. Таким ассоциативным значением обладает и цвет, и узор фона, инструменты, толщина и гибкость линий.

Выставка представляла произведения из поступлений музея за последние 20 лет, большую роль в собирании коллекции музея играют именно частные коллекционеры. Но чем объяснить такой огромный интерес к восточному искусству? Для русского человека может показаться странным принятое на Востоке трепетное отношение к повседневности, ведь что для японца обычная посуда, то для нас - настоящее произведение искусства. Интересно, что в Японии даже нет термина «декоративно-прикладное искусство», так как нет принципиальной разницы между высокохудожественными произведениями и искусно обработанными предметами быта. Может быть, именно поэтому в России обычные для восточного человека вещи, будь то чайная чашка или брелок-нэцкэ, являются предметами коллекционирования. И здесь дело не только в «экзотичности», но и в высочайшей искусности этих произведений: нэцкэ с кропотливо вырезанными мельчайшими деталями, пекинские шкатулки с виртуозной резьбой, полученной путем нанесения ста слоев лака, и так далее.

Буддизм не так чужд Сибири и, как известно, был распространен в Бурятии. Именно иркутская Крестовоздвиженская церковь XVIII века славится своего рода альянсом между восточноазиатским декором и православной традицией.

Наиболее сложный для восприятия красноярского зрителя пласт – это искусство Юго-Восточной Азии, имеющее в большинстве случаев религиозное назначение. Даже при работе над экспозицией выставки у сотрудников возникли некоторые трудности именно с этим сектором: экспонаты никак не хотели гармонично встраиваться в экспозицию. Тогда пришла идея выстроить их в виде своеобразного алтаря, совместив несколько статуй Будд (часто сделанных из старых монашеских одеяний) с чашами и сосудами, и только тогда композиция зала получилась логически завершенной и помогающей правильному восприятию самих произведений. Будда в состоянии махапаринирваны (великого окончательного освобождения) в соответствии с позднебуддийскими традициями Мьянмы, возлежит, облокотившись на руку, что несколько отличается от традиций родины буддизма Индии, где в позе Будды обычно нет опоры на локоть, голова лежит на ладони, поэтому он больше похож на спящего человека. Своеобразие статуй Мьянмы в том, что больше волнообразных линий силуэта лежащего Будды, больше бодрствования, суетности, волнения, меньше погруженности в инобытие, чем в классических индийских статуях. Будда, сидящий в праламбапadasана («европейской позе», когда ноги не скрещены, а опущены вниз), также есть отход индийских канонов. Необычна рельефная лепка из лаковой массы – техника тайо.

Фестиваль Азиатско-Тихоокеанского региона проведен в третий раз, и привлекает внимание, что между вторым и третьим разом был большой перерыв – 1992, 1995 и 2012 год. В 1990 г. этот интернациональный культурный «взрыв» был «благословлен» президентом Б.Н. Ельциным. В условиях распада Советского Союза была необходимость сохранить некие духовные связи, напомнить о «дружбе народов», погасить сепаратистские настроения, создать атмосферу толерантности. Многие экономисты полагают, что с постепенным угасанием старых индустриальных центров в Европе и на востоке США центр мировой экономической активности может перенестись в Азиатско-Тихоокеанский регион. В 2012 году В.В. Путин на саммите АТЭС обозначил планы и перспективы участия России в АТР, которые сводятся в основном к экономической кооперации. Однако ряд политологов считает, что, кроме экономики, есть и политические планы. Саммит АТЭС во Владивостоке большинство экспертов и политиков расценили как серьезную заявку России на роль значительного игрока в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, мероприятие фестиваля имело прозрачную миссию отражения политических перспектив России. Необходимость подобных альянсов очевидна на данный момент, поэтому проведенный фестиваль очень актуален, может быть понят как шаг,

продвижение вперед в процессе не только экономического, но и духовно-эстетического взаимообогащения Сибири и Востока [1-10].

Рисунок 1. Рюсэки Моримото (род. 1940). Каллиграфия «Не спеши, счастье тебя найдет». Япония. 1990-е гг. Бумага, тушь, серо-зеленый шелк, керамические наконечники.

Список литературы

1. Викторук Е.Н., Москвич Ю.Н. Ценности инновационной деятельности для студентов, экспертов и предпринимателей Красноярска: желаемый идеал, надежды и реальность // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 4. - № 11. – С. 1507-1525.
2. Замаева Ю.С. Историографический обзор подходов и концепций по проблеме миграции в зарубежных и российских исследованиях XX века // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – Т. 3. - № 3. – С. 437-444.

3. Замараева Ю.С. Отношение мигранта и принимающей среды как феномен современной культуры Красноярского края (результаты ассоциативного эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации» // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – Т. 4. - № 6. – С. 805-815.
4. Кирко В.И., Копцева Н.П., Кеуш А.В. Эвенкийский муниципальный район Красноярского края – экспериментальная площадка по созданию бизнес-инкубатора // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 4. - № 8. – С. 1127-1131.
5. Копцева Н.П. Методологические возможности социальной (культурной) антропологии для современных культурных исследований // Философия и культура. – 2012. - № 10. – С. 9-18.
6. Копцева Н.П. Проблема методологии современных культурных исследований: возможности классической британской социальной антропологии // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. - № 4. – С. 89-104.
7. Копцева Н.П. Проведение экспериментального прикладного культурного исследования межкультурной коммуникации: фокус-группы, личное интервью, анкетирование, получение экспертного мнения (на материале исследования Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. – 2013. - № 3. – С. 410-410.
8. Копцева Н.П., Замараева Ю.С., Сертакова Е.А. Социокультурное исследование культурных потребностей жителей города Красноярска // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 4. - № 11. – С. 1577-1588.
9. Копцева Н.П., Пименова Н.Н., Резникова К.В. Сохранение и развитие коренных народов циркумполярных территорий: культурно-антропологический анализ // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – Т. 3. - № 5. – С. 649-666.
10. Минеев В.В. Единство теоретико-методологических и методико-практических аспектов преподавания философских дисциплин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. - № 5-1. – С. 123-127.

Рецензенты:

Копцева Н.П., д.филос.н., профессор, зав. кафедрой культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Минеев В.В., д.филос.н., профессор кафедры философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.